

19/5

Секретно.

ПРОКУРОРУ СОЮЗА ССР - тов. МИШИНСКОМУ. № 35/030/14
копии: тов. СТАЛИНУ. № 35/00175
" тов. ЕЖОВУ. № 35/01175

Андрей Януарович!

Мною 10 сего июля получено письмо на мое имя и заявление в порядке надзора на Ваше имя от содержащегося в Саратовском Дом-аке по линии Наркомзудела Виктора БАБУШКИНА. Так как большинство Саратовских руководящих работников, начиная с 1914/1915 г. знают Виктора Бабункина как большевика, боевого партийца и красногвардейца в октябре и после октября все время преданного партии, но с 1920 года не раз в порядке самокритики возмущенного с недоверием в работе отдельных руководящих лиц по партийной и советской линии в Саратове, то у меня возникает большее сомнение в правильности возбужденного против Бабункина дела.

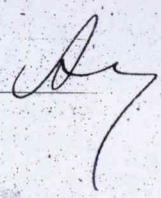
Поэтому прошу внимательно отнестись к заявлению Виктора Бабункина и произвести расследование не местными силами, а центральными.

При сем прилагаются подлинники:

- 1) заявления на имя т. Мишинского заключенного Бабункина,
- 2) письмо на имя Антонова-Саратовского.

(Антонов-Саратовский)

" 10/11 " июля 1935 г.

136

Копия.

Владимир Павлович

Тысяча Хвостов овец со мной считал: я и жена моя сидим в тюрьме: Но на арестовали 10/III, жене - 29.IV. Саратовский Крайком размахнулся так сильно, что ЦК пришлось его окорнуть.

В тюрьме надо мной надвигались. Я сидел 92 дня в камере смертников. В одиночно-камере 5 человек - воздуха нет, вши, клопы, ни стоять, ни ходить ногам. На один квадратный метр свободы 5 человек. Легендарный "каменный мешок".

Нат, вонь, стрельба по окнам из винтовок и револьверов без предупреждения, а как охотники за дичью. Остутствие бани, угрозы, надоедательство. В уборную попасть труднее, чем к Хвостину на ярмом. Но всемо этому у меня язва желудка. Когда я попросил дежурного отпустить меня в больницу или вызвать врача, то дежурный обещал со мной расправиться и когда я заявил, что буду жаловаться прокурору - дежурный ответил: "я твоего прокурора на версту не подпущу к тюрьме". Дежурный прав. Прокурора я не видел 92 дня и до сих пор. Все заявления ему пропадают в неизвестности. Мне не давали пищи 5 раз и я голодал: 13, 5, 6, 5, 2 дней. Представляешь, что из меня получилось?

С женой поступили еще хуже: она 25 дней провела в подвале без воздуха и света. Теперь она умирает в тюремной больнице. Жизнь ее еще горше, ибо ей, как женщине тяжелее переносить надоедательство. В уборную ее водят мужчины отхопленные, в баню - тоже. И пока женщинам в уборной - тюремщице тоже. Неужели пройдет что все даром, ноужели Москва не видит?

Все четверо, т.е. я, жена, сын, старуха-мать приготовились в могилу. Мы с женой в тюрьме - эти оба от голода.

За что же это?

Я твердо знаю, что над моей семьей "сиграла" классовые враги, негодники и контрреволюционеры.

Мы посмотрели что на меня доносили, сотрудничество Саратовского отд. НКВД, СПО:

1) АРВЕНСКИЕ - помощник, замоский нач.,

2) КУНИН, верк, контрреволюционеры и т.д., с другой стороны немские проходы и 100% дворушники.

Из моего заявления т. ВИННИНСКОМУ ты увидишь все.

Владимир Павлович, я не умею писать "заявления". Может быть я неправильно написал? Но зато искренне и правдиво. 19 я хотел в тюрьме, в военном сортире покончить самоубийством, но потом решил написать тебе. Вот, если и ты не протянешь мне руку помощи, ну, тогда можно послать всех и все и пойти к праотцам. В тюрьме меня так обработали, что я сейчас нахожусь под арестом в город. больнице. Мне нужна операция, но как ее сделать если они хотят бесприморным по Саратову, жена умирает в тюрьме. Лучше уже сразу всем уйти.

Характерно, что следователь упорно отказался писать фамилию Хвессина в протоколе. Это-ли не подхалимство!! Несмотря на то, что я в тюрьме - я до сих пор не исключен из партии.. Было решение 3 чел. по заданию Хвессина исключить меня (сообр. прав. в сат. Саратов.) те постановили: "просить об исключении тов. Бабушкина из партии". И, вот, до сих пор просят... Хвессин наверное провел "опросом" мое исключение? Но, во-первых, это противоречит уставу партии и постановлению ЦК и, во-вторых, я этого решения не знаю и до сих пор не имею справки на руках.

Когда следователь стал меня оскорблять - я ему заявил, что я член партии. Следователь отрицал. Я потребовал у него выписку о моем исключении. Таковой не оказалось.

И, вот, в результате страха Хвессина, что я могу разоблачить его: а) как быв. троцкиста, б) быв. собственника парникахерской в 1917 году, в) проворовавшегося "Мольте" в Германии, г) его длинную историю со женой его (глубокой, меня равно как и своей первой женой), д) его бездарность и подхалимство. В-с-ей, я этого не собираюсь делать!! Испуг его напрасен.

Я стал опасен ему в Саратове. Меня нужно убрать... и убрали, да убрали наглухо.

Протокол собрания и резолюция о моем исключении, подделали в Крайкоме. Что это? Партийные документы стали подделывать!

Моя просьба к тебе: передай мое заявление тов. ~~Минишникову~~ или Солцу, а лучше, кому ты найдешь нужным и объясни им толком, что я, Виктор Вабункин не могу быть контрреволюционером ни субъективным, ни объективным.

20 лет отдал партии, мою жизнь свою! Могу-ли я быть иным, я, рабочий? У меня нет и не было разногласий с партией, а в 1927 году я не принадлежал к оппозиции, я не работал, а просто сидел на лавке, а что и получил нахлобучку.

Владимир Павлович, мы все четверо идем твоей помощи. Если ты откажешься - тогда "труба"...

А как тяжело сидеть без идей, без жизни. Я и в камере грешил о несправедливости до физической расправы. Меня и в камере травили: "Вот ваш рай", так тебе и надо "это система, а не Саратов" и т.д. Вольной, очень-очень, но читал "Капитал", т.е. теоретически малограмотный, я заявил так: "Если, стерва не прекратит гудеть, зубы выдищу и душу выну!" Ну, конечно, с упоминаемым мамашем. Это подействовало и меня почти не трогали, а пренебрежительно оглядывали и игнорировали.

Эх, что я перенос! Но не в этом дело. Если бы партия нужна была жизни, моего сына, меня, жены - я отдал бы без разговора, но когда Хвостини берут за горло - обидно до жути. Дело мое пошло в Особое Совещание НКВД. Что там написали помощники Хвостина, ты представляешь, и значит мне гроб. Мне и моей семье.

Помоги, Владимир Павлович. Иду от тебя ответа. Мой адрес. Саратов, Мано-Костригина улица, дом 9, кв. 4 - Сивовой, т.е. теще.

Виктор Вабункин. Б.71-35г.

Р... Я пишу только о себе, а если бы ты заглянул, что вообще творится в Озерном, как работают следователи, волос станет дыбом. Срочно сообщи мне, что ты получил это заявление и передал т. ~~Минишникову~~. Я боюсь, что до вмешательства Прокуратуры Ос. Сов. меня может "угробить". В.В.

ко

Прокурору СССР товарищу Вышинскому.

Копия — т. Антонову, Сергеевскому В.П.

Считаю необходимым приложить настоящим дополнения к протоколу от 16/VII-57.

- 1) Пить перенесенных мною внутренних голодовок создание исключительно следствием, как репрессивная мера, ибо впервые в первые же дни голодовок я тотчас же свел в известность следователя Вигранова и даже однажды — четко. Как правило, больничная пища выписывалась врачом и обрабатывалась с санкции следователя. Если следователь санкцию врачу не дал — больной орается без пищи, т.е. лежарства. Я получил и мог есть только молоко, как раз меня этого и лишили, и я много страдал и ухудшил свое состояние до предельной возможности. В передачу молоко не принималось, — таким образом, я не мог получить молока ни из дома, ни из больницы. Таким же жестоким, варварским и противозаконным.
- 2) В самые опасные моменты моей болезни мне оказывали во враге и лежарстве. Следовательно также было об этом известно (писал заявления). Мер следователя не принята. Рассматриваю это, как меру грубо-репрессивную и противозаконную.
- 3) Следователем мне было откормлено в очных ставках с лицами, на меня показывавшими. Это против закона.
- 4) Отказано мне в моей просьбе сказать, кто на меня показывал. Это против закона.
- 5) По окончании дела мне не зачитали моего обвинения — дела. Это против закона.
- 6) В протокол от 16/VII-1957. прошу добавить следующее:
„камера смертников определялась также специфическими особенностями против обыкновенных камер, а именно: поолок коридора крытый досками (зуб чмелыаеа и без того скудный свет), окраской камеры, желтой решетчатой дверью коридора, который отделял наши камеры от всей прочей тюрьмы“.
- 7) Мои (около тридцати) заявления следователь игнорировал. Заявления мои прокурору следователь не передавал, что подтвердил сам пом. прокурора Г. Рейнголд. Это против закона.
- 8) „Мелочи“. Такие мелочи, как лишние курящего человека спички, так более в положении заключенного, вырастают до больших размеров. Передаваемые с передним спички остаются в конторе тюрьмы, на камеру же дается одна коробка в день.

Эта коробка добывается путем длительных просьб, унижений перед отделенными. В камере 4 курящих человека, каждый из них в передачу (через бочки) получает 5-6 корбачей, итого 4 заключенных в шестидневку имеет своих спичек в конторе торгаша 20-24 коробки. Получают они на руки в шестидневку 6 коробок, - 18 спичек в конторе. В торгаше несколько сот человек курящих, сидящих по несколько месяцев. Но один из методов раздражения заключенного.

- 9) Мне отказано читать книги и газеты ("Травду" и др.). Мои книги, принесенные Ч.мещ. толку не даю, и следовало "пропал" (7 книг).
- 10) Арестован я 16/III, а обвинение предъявлено мне только 5 мая. Это против закона.
- 11) Следствие велось 92 дня вместо 60 т.ч. Это против закона.
- 12) Полное отсутствие прокурорского надзора за следствием и торгашом. Это против закона. Следовательно у меня не был ни одного раза.
- 13) Все обвинения, на основании которых я арестован, своевременно были рассмотрены партией, и я в партии был оставлен.
- 14) Лица, создавшие на меня "дело", понесли партийное взыскание, сняты с работы и выехали из пределов Сарафовского Края: а) Фудинштейн Н., зав. отделом агит. и пропаганды крайкома ВКП(б), б) Кабылов - б. редактор газеты "Коммунист", снят с ВКП(б), в) Смирнов-Ульяновский, главный редактор крайогазета, г) Родин, инструктор крайкома, искажавший учение Сталина. Вся эта двурушная чепуха во главе с Фудинштейном была мной и я боролся против нее и писал в ЦК ВКП(б).
- 15) Чебышев на допрос меня в течение 54 дней следователь проводил, как репрессивную меру воздействия на психику моральной обработки. Об этой консервации следователь меня предупреждал на первом же допросе: - "Ой, плохо тебе будет! По-другому заводи!"
- 16) Крадутся беззастенчиво из передач продукты.
- 17) Следовательно не приложил мои одиннадцать (11) документов к делу, свидетельствующих о моей болезни. На все мои просьбы я получал отказ. Не дают мне эти документы на руки. Цель следователя - отправить мое дело в особое совещание без этих документов. Это против закона.
- 18) Вообще вся система следствия и торгашного быта проводимая сарафовскими НКВД, противозаконна.

19/III - 1957.

г. Саравов.

Подпись / Вилх. Педущин. /